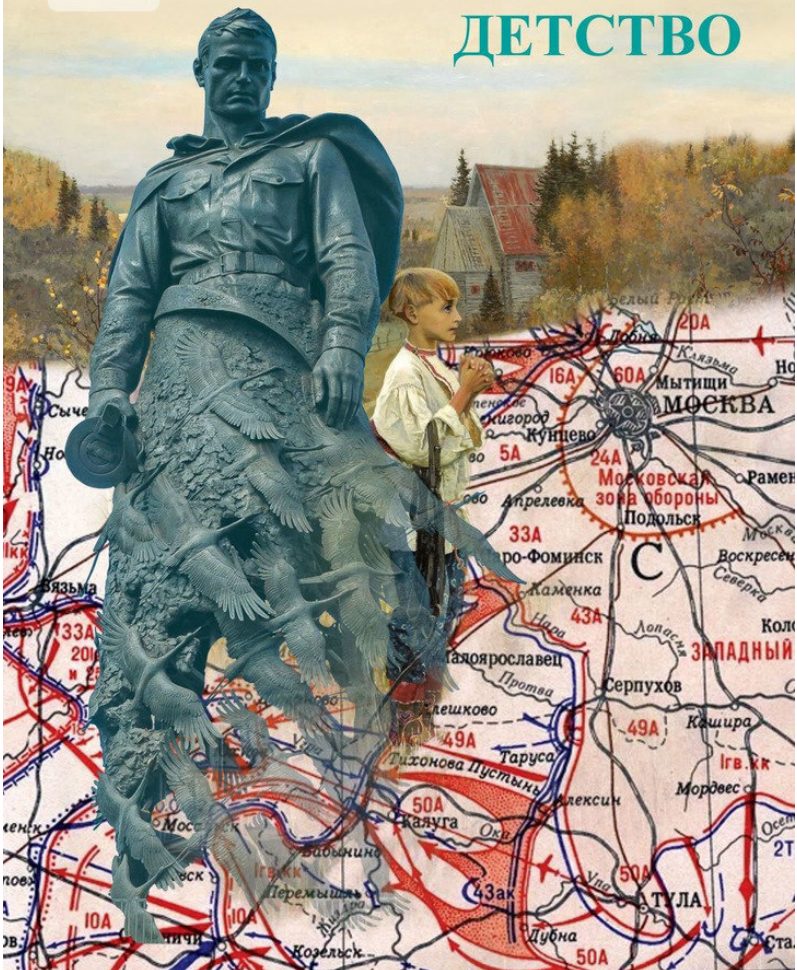
Русаков Геннадий Федорович

18+

РЖЕВСКАЯ ДУГА
ДЕТСТВО

Геннадий Федорович Русаков

Ржевская дуга. Детство. Стихи и проза о Великой Отечественной Войне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66616650
ISBN 9785005551399

Аннотация

Русаков Геннадий Федорович – 1933 года рождения. Из крестьянской семьи. Прошел жизненный путь от пастушка до судового механика арктического флота. Позднее строил заводы по всей стране. Всю жизнь писал стихи. Стихи его необычны – нереальность в реальности. К 75-летию ПОБЕДЫ – написал очерк-воспоминание о своем детстве, которое обжег огонь Ржевской Дуги.

Содержание

Предисловие 5
Глава 1. 1941 год. Мне-7лет. Пожар 11
Глава 2. 1941 год. Раскаты войны 14
Глава 3. 1941 год. Сентябрь. Фашисты 16
Глава 4. 1941 год. Военный запас 18
Глава 5. 1941 год. Валенки 20
Глава 6. 1942 год. Между фронтами. Мне-8 лет 22
Глава 7. 1942 год. Голод 27
Глава 8. 1942 год. Бомбежки 30
Глава 9. 1942 год. Картофельное поле 32
Глава 10. 1942 год. Прадедушка 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ржевская дуга. Детство Стихи и проза о Великой Отечественной Войне

Геннадий Федорович Русаков

Редактор Юлия Дмитриевна Гавриленко
Дизайнер обложки Юлия Дмитриевна Гавриленко
Корректор Елена Геннадьевна Русакова
Корректор Юлия Николаевна Бояринова
Дизайнер обложки Артур Обухов

© Геннадий Федорович Русаков, 2021
© Юлия Дмитриевна Гавриленко, дизайн обложки, 2021
© Артур Обухов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-5139-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

К своему стыду, имея три высших образования и 58 лет за спиной, я очень мало, если не сказать вообще ничего, не знала о Ржевской дуге. Смутно вспоминались строчки Александра Твардовского: «Я убит подо Ржевом, В безыменном болоте…» и все….

«Ржевская дуга. Детство» Русакова Геннадия Федоровича – подростка 8 лет волею судеб оказавшегося вместе с семьей между двумя линиями фронтов.

Другая грань, другая экспозиция войны, не менее страшная. Прочитав книгу, поняла, что надо искать информацию. Набрала в интернете и… первое, что выпало:

Ржевская мясорубка, забытая и замалчиваемая до сих пор.

«Мы наступали на Ржев по трупным полям»… Ползешь по трупам, а они навалены в три слоя, распухли, кишат червями, испускают тошнотворный сладковатый запах разложения человеческих тел. Разрыв снаряда загоняет тебя под трупы, почва содрогается, трупы сваливаются на тебя… Миллионные жертвы под Ржевом советской историографией старательно замалчивались и замалчиваются до сих пор. Именно из-за этого многие солдаты не похоронены до сих пор". Петр Михин – в книге воспоминаний: „Впереди – «долина смерти».

Круто… Читаю и смотрю дальше.

«Это замалчивание перечеркнуло героические усилия, нечеловеческие испытания, мужество и самопожертвование миллионов советских солдат, явилось надругательством над памятью почти миллиона погибших» … По материалам ТАСС

После поражения под Москвой в 1942 году немецкие части отошли на запад. Советский Генштаб планирует грандиозное наступление – гигантские клещи Калининского и Западного фронтов должны сомкнуться в районе Вязьмы, отрезав и похоронив в Ржевском котле четыре немецкие армии. Но… операция провалилась. Красная Армия «завязла» под Ржевом на пятнадцать месяцев.

Наступление вошло в историю как «Ржевская мясорубка». Ржев стал символ тяжелых и кровавых боев без продвижения вперед.

Согласно современным данным, демографические **потери Союза** ССР в Великой Отечественной Войне составили 25—27 млн человек.

Из них погибло

военнослужащих – 8 668 400 человек

6 818 300 солдат погибло в боях, госпиталях и при прочих происшествиях,

1 850 100 человек не вернулось из плена

гражданского населения в зоне оккупации –

13 684 700 человек

7 420 400 человек преднамеренно истреблено,

2 164 300 человек погибло на принудительных работах в Германии

4 100 000 человек погибло от голода, болезней и отсутствия медицинской помощи.

Почти 14 миллионов гражданского населения – задумайтесь! – это дети, старики, женщины. Безоружные, просто убитые или заморенные голодом.

Даже если ты не имеешь никакого отношения к искусству войны и стараешься держаться подальше от политики – всегда помни – «По ком звонит колокол!» на самом деле.

Мемориальный комплекс Советскому солдату подо **Ржевом** возведён у деревни Хорошево Ржевского района Тверской области, виден с автомобильной трассы М-9.

Мемориал возведен на месте кровопролитных боев подо Ржевом. Он построен на народные пожертвования. Центром мемориального комплекса стала 25-метровая скульптура солдата. Проект создания мемориала реализован Российским военно-историческим обществом при поддержке Союзного государства, Министерства культуры РФ и Правительства Тверской области. *По материалам: МИЦ Известия.*

Надо ехать. Поклониться….родным… «*Это нужно* –

не мертвым! Это надо живым!» (Реквием. Р. Рождественский)

Юлия Гавриленко

Текст производит огромное впечатление… И это – просто документальное повествование, без всяких попыток завлечь сюжетными линиями, поворотами, развязками… Ошеломительно… Возможно, впечатление определено тем, что это – текст знакомого человека, но, скорее, нет.

Эти воспоминания нужно публиковать везде! С пометкой «обязательно к прочтению»!

Юлия Бояринова.

Приближается 75-летие Великой Победы, этой трагической и, одновременно, героической страницы истории на-

шей страны и всех народов, живших тогда на огромных просторах ещё единого, многонационального государства. У меня на письменном столе лежит 46 номер Вечерней Москвы от 20 ноября 2014 года, где опубликована схема боевых действий на «Ржевской Дуге».

Именно там, в самом центре этой дуги, оказалась наша семья в 1941 – 1945 годах.

Глава 1. 1941 год. Мне-7лет. Пожар

Начало войны я встретил в Подмосковье, в поселке городского типа Ново-Петровское, где жил с отцом и мамой.

Мне шёл восьмой год. Жили мы, снимая небольшую комнату, в частном доме. В Ново-Петровском мы оказались потому, что в 1934 году, во время грозы в дом моей бабушки по материнской линии, ударила молния, дом сгорел дотла.

В доме находился один лишь престарелый отец бабушки мой прадед, ему шёл 104 год. Все деревенские взрослые работали в полях, шёл август – разгар уборочных работ. Когда в поле увидели и поняли – что горит, в деревню верхом на лошади прискакал сын бабушки, но всё что ему удалось – это вытащить, упирающегося и не понимающего, что происходит – деда.

Сгорело всё, в том числе имущество нашей семьи, потому что после свадьбы отец и мама жили у бабушки, маминой мамы, в этой деревне с обидным названием Тупицино. Свой дом, в другой, соседней деревне, где родился отец и жили все его родственники, с названием Егорьевское, они ещё только строили. Получилось, что из одежды у нас осталось только то, во что мы были одеты в тот день.

Отец попросил председателя колхоза отпустить его, чтобы он мог заработать деньги на одежду. В колхозах денег не платили, заработок начислялся в трудоднях. Решением

правления колхоза отца отпустили, но не сразу и с условием, что он вернётся через какое-то время обратно. Он работал в колхозе животноводом. Почему он оказался в Ново – Петровском, а не в Москве, где он с восьми лет работал у купца, выходца из этой деревни, «мальчиком на побегушках», я не знаю. Через год к нему уехала мама, а мы: сестра, я и младший брат – остались с бабушкой по отцу. Но уже в следующем году, мама, побыв в деревне и уезжая снова к отцу, забрала меня с собой. Почему меня, а не братика или сестру, мне неизвестно.

Вот так я и оказался в этом поселке. Все заработанные деньги, кроме оплаты жилья и расходов на питание, мама старалась расходовать на приобретение всего, что связано с одеждой. Купила ручную швейную машинку, искала и, по возможности, покупала разные ткани. Мы были маленькими и быстро росли, поэтому готовую одежду приобретать было нецелесообразно. Работа отца была связана с поездками по району, поэтому он купил для себя велосипед. К июню 1941 года у нас накопился большой чемодан всяких тканей.

Отец ушёл по призыву на 4 день войны – 26 июня. Прощаясь с нами, он сказал маме, что война будет тяжёлой и долгой, поэтому посоветовал уехать на родину в деревню. Там у нас, как я уже написал выше, был свой дом. В нём временно проживала цыганка с детьми, она ушла из табора в 1936 году и устроилась на работу в колхозе, отец разрешил ей пожить, пока она не построит свой дом. В этой же деревне жила и вся

наша родня по отцовской линии – четыре его брата, их мама – Мария Ивановна 63 лет, её родители – отец Иван Северьянович 96 лет и мать Наталья Егоровна 92 лет, с ними жила их дочь, бабушкина сестра – Елена Ивановна 57 лет – инвалид с детства.

«В деревне, – сказал он, – на земле, будет легче прокормить детей и стариков». И мы уехали в деревню Тверской, тогда ещё Калининской области, Погорельского района – недалеко от Ржева, забрав с собой всё имущество, которое успели накопить.

Это была очень красивая деревня с названием Егорьевское, располагавшаяся по берегам двух речушек: Дёржи и Сукромли, впадавшей в Дёржу.

Мама забрала от бабушки сестру 9 лет и младшего брата 5 лет, они жили с ней, как я уже говорил, пока отец с мамой и я, пытались обжиться в Подмосковье, и мы поселились в своём доме. Цыганку не трогали, вместе было вроде надёжнее, они с мамой были одного возраста, тем более, что ей некуда было ни переехать, ни уехать.

В августе началась уборка хлебов и всё взрослое, трудоспособное население, поголовно женское, с утра и до позднего вечера работало в полях. Из мужчин в деревне оставались одни старики, но и они заняты были разными ремонтными работами, даже мой прадед по отцу, в свои 96 лет, занимался ремонтом инвентаря, упряжи, повозок – всего того, что выходит из строя от напряжённой работы.

Глава 2. 1941 год. Раскаты войны

А издалека уже были слышны раскаты войны. Вскоре через деревню начали проходить отступающие части красноармейцев, сначала группами с командирами, при оружии. Потом и группами, и в одиночку с оружием и без оружия. Говорили, выходим из окружения – Смоленского котла.

В конце августа отступающие красноармейцы осторожно заходили в деревню – боялись, что в деревне уже могут быть фашисты, а потом, расспрашивали – что нам известно об их нахождении. В деревне мало что знали о ситуации в округе, но по возможности, старались помочь всем, чем только могли: и одеждой, и продовольствием, если они просили об этом. Объясняли, как пройти лесами, минуя крупные населённые пункты и дороги.

Мне очень хорошо запомнилась одна из последних групп, в ней было 7 человек. Среди них выделялся сержант, вооружён он был не обычной винтовкой, а какой-то другой, ствол винтовки заканчивался утолщением, похожим на корзиночку. Как я узнал позже, это была полуавтоматическая десятизарядная винтовка Симонова. А запомнил я это потому, что к этому времени уже стало известно: фашисты взяли Волоколамск. Бойцы из этой группы решили выходить к фронту без оружия, переодевшись в гражданскую одежду. Переодевались они у нас в старую одежду моего отца и его бра-

тьев. Оружие закопали в овчарне, в сухой навоз. Сержант был не русским, похоже, как я понимаю теперь, туркмен или таджик, но на русском говорил хорошо. Он переодеваться отказался и винтовку не оставил, сказал: «Пойду так, как есть, повезёт – дойду, не повезёт – приму бой».

Может показаться, что я подробности выдумываю, так как мне не было ещё восьми. Но помню всё дословно, даже то, что товарищи его уговаривали оставить здесь в деревне свои документы и тем более – партбилет, но он отказался. Про партбилет я тогда уже знал, партбилет был у моего дяди, брата моей мамы, он был участником войны с финнами, там вступил в партию и гордился этим.

Дошли они до своих или нет, не знаю, но всё происходило у меня на глазах. Я сам был участником, так как доставал из кладовки, по указанию мамы, эту одежду, в которую они переодевались. Соседка пригрозила маме: «Вот придут немцы, расскажу, что помогаешь коммунистам, они тебя и повесят!» Почему она не любила нашу семью, я не знаю, может потому, что мы пустили в дом ту самую цыганскую семью, которая ушла из табора, цыган в деревнях не очень то любили.

Глава 3. 1941 год. Сентябрь. Фашисты

Впервые фашисты появились в нашей деревне 7 сентября. Этот день я запомнил хорошо, было воскресенье, и мы с сестрой были дома, а не в школе. Я первого сентября пошёл в первый класс, а сестра – во второй. Проучились мы всего одну неделю. Взрослых в деревне не было, как я уже говорил, шла уборка хлебов. День был тёплым и солнечным, и почти все ребятишки были на улице, мы во что-то играли с мячами. Было около по полудни, когда мы увидели – со стороны деревни Тупицино к нам приближается что-то странное и тащит за собой огромный хвост пыли.

Немцы приехали на машине, у которой вместо задних колёс были гусеницы. В машине находилось 4 человека. В деревне, вообще, никогда, не видели каких либо машин, кроме тракторов, поэтому мы с удивлением смотрели на это «чудо – юдо»!

Из машины вышел офицер и на ломанном русском, тыча пальцем в какую-то бумагу, как я узнал потом, в карту, показывая рукой в сторону реки, спросил: «Это – Дёржа? А где Сукромля?»

Мы догадались, что он спрашивает о наших речках и ответили: «Сукромля в другом конце деревни». Он что-то за-

писал и сел в машину. Она развернулась и тронулась, но тут в соседнем дворе, почему-то завизжал поросёнок, машина остановилась, из неё вышли двое – этот офицер и солдат. Они подошли к дому и стали стучать в двери, но там никто не отвечал, так как взрослые были в поле, а дома были двое маленьких детей. Старшему было, наверное, годиков пять, а может даже меньше, точно не помню. Не дождавшись ответа на стук, офицер что-то сказал солдату, тот сходил к машине, принёс и подложил то, что принёс под дверь. Нам офицер что-то сказал и махнул рукой, чтобы мы уходили, мы отошли. Офицер с солдатом зашли за угол дома. Почти сразу прогремел взрыв, дверь сорвало, солдат вошёл во двор, раздался выстрел.

Солдат вышел со двора, волоча за ногу мёртвого поросёнка. Офицер достал, из кармана какие-то бумажки, положил их на завалинку дома, придавил небольшим камешком, сказал: «Плата». Это были, как потом выяснилось, оккупационные марки. Поросёнка погрузили в машину, сели сами и уехали. Я так подробно описал первую встречу с оккупантами потому, что второе посещение нашей деревни немцами непосредственно коснулась меня.

Глава 4. 1941 год. Военный запас

В понедельник мы с сестрой пошли в школу, занятия не отменяли, никто не знал, что появятся новые хозяева, хотя они появились, но уехали, из школы никаких распоряжений не поступало.

Школа располагалась в соседней деревне, в том самом Тупицино в 3,5 км от Егорьевского. Там жила вся наша родня по маминой линии. В конце недели, если не ошибаюсь, в четверг, на занятиях появился немецкий офицер. Он неплохо говорил на русском и объяснил старенькой учительнице Елизавете Капитоновне (у неё училась ещё моя мама), что теперь ей надо вести уроки по-новому. Он постарается проследить за правильным обучением учеников. Ученики должны знать: Советы и Сталин – это плохо. Германия и Гитлер – это хорошо. Это было главным в его, довольно длинном разговоре с учительницей.

Когда немец ушёл, учительница сказала: «Я не знаю, как и что может случиться потом, но считаю – вам больше пока в школу приходить не надо». Так вот и закончился наш учебный год.

Примерно дня через три после отмены занятий мы с сестрой решили устроить себе праздник. Кажется это было воскресенье, опять взрослых в деревне не было, как я говорил, убирали хлеба. А мы: я, сестра и брат были дома и пили чай.

На столе кипел самовар, а под столом стоял небольшой мешочек с сахаром. Я достал его из тайника, это был наш военный запас.

Когда на улице раздался крик кого-то из соседних ребятишек: «Немцы!», я, помня о том, что произошло в первое появление их в нашей деревне, полез под стол, что бы спрятать этот мешок обратно в тайник. Заторопился, толкнул стол и опрокинул кипящий самовар на себя. Ожог был страшным, с меня слезла, наверное, половина кожи, и я оказался в постели надолго. Естественно, больницы в деревне не было, лечила меня мама – смазывала ожоги белком сырых яиц – так велела моя прабабушка по отцу, она в деревне считалась знахаркой. Все деревенские лечились у неё.

До ближайшего медицинского заведения было 12 километров. Поправлялся я медленно. Пока у нас в деревне фашисты были только наездами – куры ещё гуляли по улицам и всякая другая крестьянская живность была ещё цела.

А вот когда в октябре разместился гарнизон, то очень быстро закончились и куры, и «яйки», и другая деревенская живность. Но мама, заранее, спрятала какое-то количество яичек в разных местах и продолжала моё лечение, доставая из тайников по одному, по две штуки. В это время в доме для нас места уже не было, в жилых комнатах уже жили фашисты, и мы ютились на кухне. Цыганку с детьми куда-то увезли.

Глава 5. 1941 год. Валенки

В ноябре, когда пришли холода, в деревне вывесили приказы – сдать немецкому командованию тёплую одежду и обувь. Особенно обращали внимание на валенки и шубы, за сокрытие таковых – расстрел. По домам пошли обыски. Но жители не хотели отдавать того, что в такую суровую зиму было необходимо им самим или их близким, мужьям, сыновьям и отцам, которые ушли на войну, поэтому прятали всё в какие-то тайники, часто рискуя жизнью.

Помню, как и мы с мамой перетаскивали валенки отца и двух не женатых его братьев, из одного подвала, где валенки были спрятаны, в другой, в котором обыск уже прошёл. Это позволяло устройство подвала в доме. Я к этому времени, уже начал ходить.

Ещё раньше, когда фашисты только наездами появлялись в деревне, но уже обыскивали дома и отбирали всё, что им представлялось ценным, мама закопала в огороде велосипед, швейную машинку и деревянный бочонок с засоленной свининой. Чемодан с тканями мама обшила мешковиной и привязала к детским санкам, получилось сидение, то есть вроде естественной принадлежности к санкам. Так они и стояли в сенях до самого конца существования деревни.

Стало понятно и то, почему в первый приезд офицера немца интересовали наши реки. Женщин окрестных дере-

вень, в том числе и нашей, стали гонять на рытьё окопов по западным, то есть противоположным берегам наших речек. Рытьё окопов продолжалось до наступления морозов в ноябре. Поэтому, когда под Москвой фашистам всыпали по полной, они отступили на подготовленные заранее укрепления, и наша деревня стала линией фронта.

Глава 6. 1942 год. Между фронтами. Мне-8 лет

В начале двадцатых чисел (21 или 22) января всех способных держать в руках лопату выгнали на расчистку дорог. Снега было много, разгребали до самой земли. Вдоль дороги образовались огромные валы, так как мы работали с рассвета и до темноты несколько дней. Когда эта огромная снежная траншея была закончена, по ней пошла техника, машины, танки, пушки, всё это переправлялось через Сукромлю на западный берег.

Войска шли около суток, за техникой уходила пехота, организованно, в плотных порядках. Вдоль всей дороги, по обеим сторонам, очевидно, на всей её протяжённости, были устроены посты прикрытия: окопчик в снегу с пулемётом и тремя солдатами, так было и напротив нашего дома. Ещё недели за две до этого, в поведении фашистов ощущалась нервозность, все деревенские, даже дети, понимали, что приближается что-то страшное и непредсказуемое и спать ложились не раздеваясь, чтобы в любой момент быть готовым ко всему.

Около полуночи, 26 января мы услышали звон бьющегося стекла и увидели через разбитые окна пламя огнемётов. Это солдаты в чёрных мундирах поджигали дома. Ночь была

очень холодной. Из разговоров взрослых я помню, что было больше 40 градусов мороза. Младшего брата мама усадила на тот самый чемодан, закутав его во всё тёплое, что только нашлось, и привязала к санкам, Так он и сидел на санках у горящего дома.

Вся наша семья и нескольких соседних, собрались возле горящего дома прадедушки, похоже, потому, что он остался единственным мужчиной в этом краю деревни. Грелись мы у этого костра часа два. За это время один из солдат того флангового прикрытия со стороны реки, пришёл погреться у горящего дома а, уходя, снял с прадедушки шапку и валенки.

В старье, выкинутом из горящего дома, прадедушка нашёл старую шапку – будёновку и ватные пимы, вроде, выход: и голова, и ноги укрыты. Но тут вдруг пришёл патруль, проверяли фланговые посты, увидели у деда будёновку с красной звездой и увели его куда-то. Мы думали, что он уже не вернётся, но он пришёл. Его отпустили, когда, видимо, выяснили, что ему 96 лет и его разули их же солдаты. Мы очень обрадовались его возвращению.

А вскоре после этого, к горящему дому, у которого мы находились, пришёл ещё один солдат из флангового прикрытия. Он осмотрелся, подошёл ко мне и попытался снять с моей головы шапку. Тесёмки ушек шапки у меня были завязаны под подбородком. Когда он понял, что надо развязать тесёмки, полез рукой под мой подбородок. Я, не раздумы-

вая, непроизвольно впился зубами в его руку и прокусил ее до крови. Он взвыл от боли и ударил меня в правое ухо с такой силой, что я отлетел от него метра на три – четыре. Хорошо, что не в сторону горящего дома и зарылся головой в сугроб. Это увидела мама, когда он шагнул ко мне снова, она, не раздумывая, влепила ему такую оплеуху, что он оказался в том же сугробе, рядом со мной! Этого он не ожидал, испугался, вскочил и побежал туда, откуда пришёл, так как он был без оружия. Бабушки заволновались: «Он вернётся с оружием и не один, вам надо спрятаться», – говорили они и закопали меня и маму в снег в 10 -15 метрах от места, где это произошло.

Они были правы – он пришёл с оружием и не один. Всех кто был у костра долго допрашивали, угрожали, но они показали на дорогу и сказали, что мы ушли. Потом, бабушки рассказывали, что эти двое долго прощупывали снег штыками, к нашему счастью, не там, где нас закопали, а потом ушли к пулемётному гнезду.

Через какое-то время после случившегося появилась группа солдат в чёрных мундирах, с изображением человеческого черепа и скрещенных костей на рукавах шинелей. Они стали отгонять людей от горящих домов на дорогу, она освободилась от воинских подразделений, видимо прошли все, и теперь занялись нами – жителями.

Все остальные события этой ночи описаны мною в стихотворении «Мы помним», в котором всё – правда, без всякого

художественного или иного вымысла.

И с грудным ребёнком тоже правда. Я не помнил ту молодую женщину, потому что уже три года перед войной я не жил в деревне, но она шла рядом с нами, в хвосте колонны с маленьким узелком и грудным ребёнком на руках, поддерживаемого перевязью через плечо.

Ребёнок всё время громко плакал, похоже, он был простужен. Женщина часто останавливалась, что-то поправляла в этом свёртке на руках, пыталась успокоить, но ребёнок плакал, не умолкая. Когда она остановилась в очередной раз, конвоир, который шёл рядом, толкнул её прикладом винтовки в спину, она упала лицом вперёд, и, естественно, выронила ребёнка. Свёрток откатился метра на полтора – два, пока она пыталась подняться, конвоир ткнул в этот свёрток штыком и откинул на обочину дороги. Женщина бросилась к свёртку, но её прикладами загнали обратно в колонну.

Стихотворение написано к десятилетию победы в 1955 г. на Шпицбергене, где я часто бывал в те годы, работая судовым механиком Мурманского Арктического морского пароходства, там иногда, случалось иметь свободное время, чтобы вспомнить всё пережитое в лихолетье войны.

К 25-ой годовщине этих событий, уже живя в Москве, я пытался это стихотворение опубликовать в Литературной газете и в «Известиях». Но оно или не дошло до редакций, или в нём не нашли ничего интересного, что было достойно печати того времени, не знаю.

А дальше, после того, как нас – жителей сгоревшего Егорьевского, пригнали в деревню Александровка и, кое – как расселили, начался голод.

Глава 7. 1942 год. Голод

Никто из жителей нашей бывшей деревни запастись хоть какими-то продуктами не мог, да и что можно было с собой взять – ведь на себе много не унесёшь, так как практически в каждой семье были малолетние дети.

Вот такая сложилась ситуация. Вроде спасали детей от смерти: везли на санках, несли на руках, а оказалось, принесли умирать от голода. Местные жители сами выживали с трудом, у них тоже были дети, их тоже нужно было спасать от всех невзгод и опасностей, которые принесла с собой война.

Скошенные рожь и пшеница оказались в скирдах, обмолотить их до прихода фашистов удалось самую малость, поэтому у жителей деревень запасы зерна были минимальные.

Обычно основные обмолоты проводились поздней осенью и зимой, снопы сначала сушились в ригах, а потом обмолачивались в крытых токах. А в эту осень не получилось, жителей деревень заставили строить укрепления, и, самое главное, деревом для перекрытий окопов, пулемётных гнёзд и блиндажей, послужили эти строения и устройства.

Видимо фашисты собирались пережить холода в тёплых избах, поэтому дома и не трогали, когда осенью строились укрепления, а вот сараи, риги, амбары и даже бани, были разобраны и использованы при постройке этих оборонитель-

ных сооружений.

Скирды с не обмолоченными снопами – сожгли. Домашний скот уже был съеден фашистами и главным продуктом для жителей практически всех деревень, стал картофель, но на него тоже пытались наложить лапу ненасытные орды в мундирах. А тут, ещё, пригнали нас, у которых не было ничего, кроме голодных ртов. Люди начали умирать от голода.

С первого дня, как нас пригнали в деревню Александровка, бабушка Маня и я пошли с сумой по домам местных жителей – просить милостыню. Мама стала помогать по хозяйству старенькой бабуле в доме, где мы поселились. Сестра помогала маме и присматривала за маленьким братом и стариками. Все мы сильно голодали. Ведро картошки, которое мама получила от бабули авансом, было съедено в два дня – голодных ртов было целых семь. Собирать милостыню оказалось практически пустым делом, потому что нищих оказалось не меньше чем жителей в самой Александровке – вся наша деревня.

Для того, чтобы понять, насколько ограниченным оказалось пространство, в котором оказались жители деревни и мы, пригнанные сюда, надо описать сложившуюся на тот момент пространственную ситуацию.

Как я уже говорил, первая линия немецкой обороны проходила позади деревенских домов в 50—60 метрах – там, где были хозяйственные постройки. Сами дома с палисадами и оградами примерно 25—30 метров, дорога перед дома-

ми 20 – 25 метров, и далее, в 150 – 200 метрах по берегу реки Дёржи, проволочные заграждения. А за рекой, с шириной русла 30 – 35 метров – поле, упирающееся в лесной массив, который дугой огибал это поле и широким языком упирался в реку Дёржа. Этот лесной массив в феврале уже был занят нашими Советскими войсками. От деревни до лесного массива по руслу реки было примерно метров 800. Вот такая картинка получилась – дома с жителями надёжно прикрывали первую линию немецкой обороны от огня наших войск.

Я думаю – это не могло быть случайностью. Уйти из деревни можно было только вдоль реки – между проволочными заграждениями и линией траншей и окопов, фашисткой обороны. Правда, можно было переправиться через реку и пройти в село Новое. Оно находилось прямо напротив деревни Александровка, но сдвинутое вниз по течению на 700 —800 метров. Так что, если смотреть через реку, правый край этой деревни начинался от середины деревни Александровка. Поэтому проволочные заграждения, идущие по левому берегу реки, уходили за реку и прикрывали позиции фашистов в селе Новое. Это проволочное заграждение пересекало картофельное поле с не убранным осенью картофелем и делило его почти пополам: одна часть уходила с подъёмом к лесному массиву, который к этому времени, занимали наши войска, а другая с понижением, примыкала к траншеям и окопам фашистов.

Глава 8. 1942 год. Бомбежки

Примерно дней через десять после того, как нас пригнали в деревню Александровка, начались ночные бомбардировки фашистских позиций, но из-за близости этих позиций к деревне, и, видимо, из-за отсутствия точных данных о расположении этих позиций, бомбы чаще падали в деревне, чем на их укрепления.

Буквально через пять дней после начала бомбардировок, одна бомба взорвалась рядом с фасадной стеной дома бабули, в котором мы поселились. Взрывной волной выбило стену. Осколки битого стекла, вместе с осколками бомбы и дроблёной древесиной засыпали весь пол и сено, на котором мы спали. В доме на тот момент находилось 12 человек: 11 наших Егорьевских (нас 7 и ещё одна семья из 4 человек) и хозяйка дома. Это было просто чудо, что никто не пострадал, даже не был ранен, а дом оказался разрушенным и не пригодным для жилья. Пришлось перебраться в соседний. Хозяйка соседнего дома, её звали Анна, приняла нас всех, несмотря на то, что в доме уже находилось больше 20 пришлых, а вместе с нами оказалось почти 40 человек.

Дом был большой – восьмистенок, но на всю эту ораву и он оказался тесноватым. Тёте Ане, так мы стали её называть, было лет 45- 47. Потому что её муж не был призван в армию, значит, ему было за 50. С ними жили две доче-

ри: старшей было лет 15—16, младшей – лет 12—13. К тому времени, как в деревню пришли фашисты, они уже получили извещение о гибели сына, он был женат, и его жена с двумя мальчиками, их внуками, жила в другом конце этой же деревни в доме своей матери. Старшему внуку было 7 лет, младшему -5. Об этой семье я написал так подробно потому, что на её судьбе отразились все ужасы войны. Ниже я опишу всё, что случилось с этой семьёй.

Как я написал – все Егорьевские сильно голодали, в том числе и мы. К концу февраля люди стали умирать. Собирали всё, что хоть, чем-то напоминало еду. Даже картофельные очистки стали деликатесом, не говоря уже о трупах животных, убитых при обстрелах, В это время не один раз нас спасал от голодной смерти тот самый чемодан с тканями, маме иногда удавалось обменять что-то из его содержимого на что-нибудь съестное.

Как я уже говорил – в деревнях всегда были трудности с одеждой. Чаще всего и наиболее удачно обмен получался в деревнях, населённых карелами. Их деревни были ограблены оккупантами в меньшей степени, чем деревни, населённые русскими. Я это связываю с тем, что в октябре и ноябре, несколько недель, в нашей местности находились финские подразделения.

Глава 9. 1942 год. Картофельное поле

Выручало иногда и картофельное поле. О нём мама узнала от хозяйки дома, где мы поселились. Мы с мамой попробовали на это поле проникнуть, и нам это удалось! Оказалось, что на этом поле уже добывали мороженую картошку многие из наших – егорьевских. Выкапывать картошку из замёрзшей земли было нечем, да и невозможно, поэтому караулили начинало артобстрелов этого участка территории с позиций, занимаемых нашей армией. На этом поле был участок, шириной метров 500—600 – он не просматривался из того лесного массива, где находились наши войска. Поэтому обстрелы этого участка случались часто, очевидно для профилактики, и практически ежесуточно.

Этим мы и пользовались, в свежих воронках удавалось набрать ведро, а то и два довольно быстро. Правда, не всегда удавалось уйти с этого поля, не попав под очередной обстрел, а он начинался немедленно, если из лесного массива замечали на этом участке поля какое-либо движение.

Были, конечно, и потери. Их не могло не быть. Но есть иногда хотелось не меньше, чем жить.

Само русло реки прикрывали два дзота фашистов, расположенных на обоих берегах, примерно в 300 метрах от ме-

ста, где проволочные заграждения пересекали русло реки. Именно здесь, рядом с этими дзотами, мы и переправлялись на противоположный берег: сначала по льду, а потом, когда лёд ушёл – на плоту.

Здесь был небольшой заливчик, где находился плот. Он, очевидно, находился здесь и до войны, моста в пределах территории этих деревень вообще не было. Это место не просматривалось из леса, занятого нашими войсками. Фашисты, дежурившие в дзотах, всё видели и, конечно, знали, зачем мы это делаем. Они не препятствовали этому, правда, иногда останавливали и обыскивали.

Так случилось и с нами, когда после очередного хождения с сумой по домам в село Новое, мы: я и бабушка Маня, возвращались в деревню Александровка. Нас остановили и обыскали. У бабушки обнаружили валенки, хотя они сверху были обшиты мешковиной, и её разули. Пришлось ей, чтобы не обморозить ноги, снять с головы платки и обвязать ноги. Так мы и пришли в деревню Александровка. В селе Новое жили карелы, карелы жили и в деревне Васильевское, которая находилась примерно в 3—3,5 км. от деревни Егорьевское и примерно на таком же расстоянии от деревни Александровка.

На карелке был женат старший брат моего отца – Иван Васильевич. Ходила местная байка, что эти две деревни проиграл в карты бывший их барин – там, в Карелии барину, владевшему землями в нашей местности. Об этом мне рас-

сказывал прадедушка, когда я его спрашивал, почему тётя Ксения – жена дяди Вани, иногда говорит со своими детьми как-то по другому – не по нашему. Жители этих деревень хорошо говорили на русском, но между собой довольно часто общались на финском. Отношение оккупантов к карелам было иным, гораздо более лояльным, чем к нам – русским. Это было особенно заметным, когда, как я уже говорил, в нашей местности стояли финские части. И если к январю в русских деревнях – весь домашний скот был уже съеден – в карельских он был цел во многих домах, даже в это время, когда мы уже находились в деревне Александровка. Там, в этих карельских деревнях, маме удавалось, обменять что-либо из того чемодана, на какие-то продукты, чаще всего на картофель.

Глава 10. 1942 год. Прадедушка

В середине марта от голода умер прадедушка. Так получилось, что после неудачного дня, когда разули бабушку, у нас никакой еды не оставалось и мы целую неделю, вообще, ничего не ели. А так как, и до этого, мы практически голодали, с самого первого дня как нас пригнали в деревню, то становится понятно, что организм самого старого из нас не выдержал первым.

Похоронили мы его рядом с домом, на месте сгоревшего накануне при артобстреле сарайчика. Там была оттаявшая земля. Помню, что он лежал на обрезке горбыля, на котором его опускали в могилу, выкопанную мамой, а его седая борода шевелилась как будто от ветра – в ней копошилось несметное количество вшей. От тесноты, скученности, невозможности помыться, постирать бельё, сменить одежду, даже просто умыться, мы все буквально покрылись вшами. Они как живой ковёр ползали по одежде, по телу, по голове – зуд был страшным, изнурительным, но избавиться от этой напасти в тех условиях, в которых мы оказались, было невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.